

Потенциал технологий искусственного интеллекта в противодействии коррупции: гармонизация национального законодательства с международным правом

Демьянович Дарья Витальевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студентка 2-го курса магистратуры, юридический факультет

E-mail: ddemyanovich-20@ranepa.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются правовые проблемы применения технологий искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции в контексте взаимодействия национального законодательства и международного публичного и частного права. Актуальность исследования обусловлена цифровизацией государственного управления и трансграничных экономических процессов, требующих выработки правовых механизмов, обеспечивающих допустимые пределы использования алгоритмических решений в антикоррупционных целях, а также распределение юридической ответственности между субъектами публичной власти и частноправовыми участниками.

Материалы и методы: целью исследования является анализ правовых основ применения технологий искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции с точки зрения гармонизации национального законодательства с международными правовыми подходами. Материал исследования составили международные и национальные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы противодействия коррупции, цифровизации публичного управления и применения технологий искусственного интеллекта. В процессе исследования использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ международных антикоррупционных стандартов, включая Конвенцию ООН против коррупции 2003 г., рекомендации ЮНЕСКО и ОЭСР, а также Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (AI Act).

Результаты исследования и их обсуждение: установлено, что объектом правового регулирования выступает не искусственный интеллект как таковой, а общественные отношения, возникающие в процессе применения алгоритмических систем в целях выявления, предупреждения и расследования коррупционных правонарушений. Определено, что международные стандарты формируют основы цифровой добросовестности, предполагающей прозрачность алгоритмических процедур, их подотчетность человеку и возможность юридически значимого контроля. Выявлено, что применение технологий искусственного интеллекта в антикоррупционной сфере сопровождается рисками нарушения права на неприкосновенность частной жизни, коммерческой тайны и возникновения алгоритмической диффамации.

Выводы: гармонизация национального антикоррупционного законодательства с международными правовыми подходами в сфере применения технологий искусственного интеллекта требует разработки механизмов прозрачности, подотчетности и независимого контроля алгоритмических решений, используемых в публичной и частной сферах. Эффективное применение технологий искусственного интеллекта

в противодействии коррупции возможно только при условии нормативного закрепления процедур правового контроля и соблюдения баланса между публичными интересами и защитой частных прав.

Ключевые слова: противодействие коррупции, искусственный интеллект, антикоррупционные стандарты, алгоритмические решения, алгоритмические системы, цифровизация государственного управления.

Для цитирования: Демьянович Д. В. Потенциал технологий искусственного интеллекта в противодействии коррупции: гармонизация национального законодательства с международным правом // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 27–40.

The Potential of Artificial Intelligence Technologies in Combating Corruption: Harmonization of National Legislation with International Law

Daria V. Demyanovich

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

MA student, Faculty of Law

E-mail: ddemyanovich-20@ranepa.ru

Abstract

Introduction: The article examines the legal issues related to the use of artificial intelligence technologies in anti-corruption activities in the context of the interaction between national legislation and international public and private law. The relevance of the study could be accounted for by the digitalization of public administration and cross-border economic processes, necessitating the development of the legal mechanisms ensuring the acceptable limits for employing algorithmic solutions in anti-corruption practices, as well as distributing legal responsibility among public authorities and private actors.

Materials and Methods: the objective of the study consists in analyzing the legal foundations for the use of artificial intelligence technologies in the anti-corruption system from the perspective of harmonizing national legislation with international legal approaches. The research materials include international and national legal acts regulating anti-corruption activities, digital public administration, and the use of artificial intelligence technologies. The study employs formal legal, comparative legal, and systemic methods, as well as the analysis of international anti-corruption standards, including the United Nations Convention against Corruption (2003), UNESCO and OECD recommendations, and the European Union Artificial Intelligence Act (AI Act).

Research Results and Discussion: It has been established that the object of legal regulation is not artificial intelligence itself, but the social relations arising in the process of applying the algorithmic systems for the detection, prevention, and investigation of corruption offenses. The author states that international standards form the basis of digital integrity, which implies transparency of algorithmic procedures, human accountability, and the possibility of legally significant oversight. It is revealed that the use of artificial intelligence technologies in anti-corruption activities is associated with the risks related to privacy violations, disclosure of commercial secrets, and algorithmic defamation.

Conclusions: It is concluded that the harmonization of national anti-corruption legislation with the international legal approaches to the use of artificial intelligence technologies

requires the development of the mechanisms for transparency, accountability, and independent oversight of algorithmic decisions used in both public and private sectors. The effective employment of artificial intelligence in anti-corruption activities is possible only if the procedures for legal control are normatively established, and the balance between public interests and the protection of private rights is ensured.

Keywords: anti-corruption, artificial intelligence, public international law, private international law, digitalization of public administration.

For citation: Demyanovich, D. V. The potential of artificial intelligence technologies in combating corruption: harmonization of national legislation with international law. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34). Pp. 27–40. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В условиях цифровой трансформации государственного управления противодействие коррупции приобретает новые формы, связанные с использованием автоматизированных и алгоритмических инструментов анализа информации. В данном контексте под алгоритмическими решениями понимаются результаты обработки данных, сформированные на основе программных алгоритмов и моделей машинного обучения, используемых для выявления закономерностей, аномалий и потенциальных коррупционных рисков в больших массивах информации.

В свою очередь, алгоритмическая подотчетность означает совокупность правовых и организационных механизмов, обеспечивающих прозрачность функционирования алгоритмических систем, возможность проверки принимаемых ими решений и установление ответственности субъектов, осуществляющих разработку, внедрение и использование таких технологий.

В своем видеообращении по случаю Дня работника органов безопасности 20 декабря 2024 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул необходимость активной борьбы с экономическими преступлениями и коррупцией, а также повышения уровня защиты информационной инфраструктуры. Указанные приоритеты отражают объективную взаимосвязь между обеспечением информационной безопасности и развитием современных антикоррупционных механизмов.

Вместе с тем внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу противодействия коррупции порождает ряд правовых проблем, не имеющих однозначного нормативного разрешения. К числу таких проблем относятся определение допустимых пределов использования алгоритмических решений в публичном управлении, распределение юридической ответственности за результаты автоматизированного анализа, а также соотношение публичного интереса в предупреждении коррупции и защиты частных прав, включая право на неприкосновенность частной жизни и коммерческую тайну.

Принципиально важно отметить, что «искусственный интеллект» не может рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта правового регулирования. Объектом правового воздействия, таким образом, выступают общественные отношения, возникающие в процессе применения технологий искусственного интеллекта государственными органами и частноправовыми субъектами при выявлении, предупреждении и расследовании коррупционных правонарушений. Тем самым указанное разграничение имеет ключевое значение для корректного определения предмета антикоррупционного и цифрового законодательства.

Актуальность исследования обусловлена тем, что развитие национальных антикоррупционных механизмов всё в большей степени зависит от международных правовых

стандартов, формируемых в рамках Конвенции ООН против коррупции 2003 г., рекомендаций ЮНЕСКО и ОЭСР, а также правового регулирования Европейского Союза в сфере искусственного интеллекта. Эти документы закладывают основы цифровой добросовестности, предполагающей прозрачность алгоритмических процедур, их подотчетность человеку и возможность юридически значимого контроля.

Цель настоящей статьи — анализ правовых основ применения технологий искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции с точки зрения гармонизации национального законодательства с нормами международного публичного и частного права, а также выявление ключевых направлений формирования правового режима алгоритмического контроля в публичной и частной сферах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материал исследования составили международные и национальные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы противодействия коррупции, цифровизации публичного управления и применения технологий искусственного интеллекта. В частности, были проанализированы положения Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., Рекомендации ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта 2021 г., Принципы ОЭСР в области искусственного интеллекта 2019 г., Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (AI Act), а также нормативные правовые акты Российской Федерации, включая Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 г., законодательство об информации, информационных технологиях и о защите информации, а также законодательство о персональных данных.

Эмпирическую основу исследования составили материалы научных публикаций российских и зарубежных авторов, посвященные вопросам правового регулирования технологий искусственного интеллекта, цифровизации государственного управления и противодействия коррупции, а также практика внедрения алгоритмических систем в сфере государственного контроля и закупочной деятельности в отдельных зарубежных государствах.

Методологическая основа исследования опирается на комплекс общенаучных и специальных методов юридической науки. Ключевым является формально-юридический метод, применяемый для анализа содержания нормативных правовых актов и выявления закрепленных в них принципов прозрачности, подотчетности и контроля алгоритмических решений в публичной сфере. Для выявления особенностей регулирования применения искусственного интеллекта в различных правовых системах используется сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить международные правовые стандарты и национальные подходы к регулированию антикоррупционных механизмов в условиях цифровизации.

Кроме того, применяется системный метод, обеспечивающий рассмотрение противодействия коррупции и правового регулирования технологий искусственного интеллекта как взаимосвязанных элементов современной системы публичного управления.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 г. определяет цели и принципы государственного регулирования в сфере применения технологий искусственного интеллекта, подчеркивая необходимость обеспечения прозрачности, доверия и правовой определенности при их использова-

нии¹. Указанные принципы имеют непосредственное значение для сферы противодействия коррупции, поскольку формируют нормативную основу допустимости алгоритмических решений в публичном управлении и определяют требования к юридически значимым процедурам обработки данных.

При этом «искусственный интеллект» не выступает самостоятельным объектом правового регулирования. Объектом правового воздействия являются общественные отношения, возникающие в связи с применением технологий искусственного интеллекта государственными органами и иными уполномоченными субъектами в рамках антикоррупционной деятельности. В данном контексте речь идет прежде всего о правовом режиме использования алгоритмических систем при анализе сведений о доходах и имуществе, мониторинге государственных закупок, выявлении конфликта интересов и иных коррупционных рисков.

В этом смысле положения Национальной стратегии развития искусственного интеллекта корреспондируют с задачами антикоррупционной политики, поскольку ориентированы на формирование цифровой инфраструктуры доверия, предполагающей подотчетность алгоритмических решений человеку и возможность их последующего правового контроля.

Аналогичный подход прослеживается и в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478, в котором среди приоритетных направлений обозначено совершенствование механизмов анализа и мониторинга коррупционных рисков. Реализация указанных задач объективно предполагает использование современных цифровых инструментов, включая системы интеллектуального анализа данных, при условии соблюдения требований законодательства о персональных данных и иных правовых гарантий.

Таким образом, применение технологий искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции в Российской Федерации следует рассматривать не как самостоятельную цель государственной политики, а как инструмент реализации правовых механизмов контроля и предупреждения коррупционных правонарушений, встроенный в существующую нормативную систему и подчиненный ее принципам.

Развитие цифровых технологий расширило инструментарий правового контроля в сфере государственного управления и частноправовых экономических отношений, что создало дополнительные возможности для предупреждения, выявления и расследования коррупционных правонарушений. Применение технологий искусственного интеллекта в данной сфере связано с использованием алгоритмических систем анализа больших массивов данных, позволяющих выявлять аномальные финансовые операции, устойчивые связи между участниками экономического оборота и иные признаки коррупционных рисков².

Вместе с тем возникают вопросы допустимости автоматизированной обработки персональных данных, пределов вмешательства в частную сферу, а также распределения юридической ответственности за результаты применения таких систем. Эти вопросы, представляется, приобретают особую сложность в условиях трансграничных экономических отношений, где в обработке и передаче данных участвуют государственные органы, международные организации и частноправовые субъекты.

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2026).

² Крылова Д. В., Максименко А. А. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 242.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость согласования подходов к применению технологий искусственного интеллекта в противодействии коррупции на уровне международного публичного и частного права, а также гармонизации национального законодательства с международными правовыми стандартами, направленными на обеспечение прозрачности, подотчетности и защиты прав человека в цифровой среде.

На международном уровне ключевую роль в этом процессе играет Конвенция ООН против коррупции 2003 г., которая установила универсальные принципы добропорядочности, прозрачности и ответственности публичной власти. Несмотря на то что документ был принят задолго до активного внедрения искусственного интеллекта, именно его положения о необходимости создания систем предупреждения коррупции и о международном обмене информацией легли в основу современных цифровых инструментов антикоррупционной политики. Использование технологий искусственного интеллекта позволяет выполнять эти требования с большей точностью: автоматизированные системы анализа транзакций, алгоритмы распознавания аномалий и цифровые платформы для общественного контроля способствуют раннему выявлению схем незаконного обогащения и конфликтов интересов. Коррупция в цифровом обществе — это прежде всего действия или бездействие властей, которые «влекут отступление от любых предусмотренных законодательством обязанностей»³, в том числе в области защиты цифровых прав и свобод человека.

Глобальный цифровой договор 2024 г. рассматривает «искусственный интеллект» не только как двигатель инноваций, но и как средство укрепления принципов добросовестности, открытости и подотчетности в управлении⁴. Конвенция ООН против коррупции 2003 г. и Конвенция ООН против киберпреступности 2024 г. заложили основу для создания глобальной системы противодействия коррупции в цифровом обществе, и современные цифровые инструменты, включая большие данные и алгоритмы машинного обучения, становятся логическим продолжением этих международных обязательств⁵. Использование «искусственного интеллекта» позволяет выявлять коррупционные риски в сфере государственных закупок, распределения бюджетных средств, налогового администрирования и корпоративного управления, тем самым формируя новые модели правового взаимодействия публичной власти и частного капитала⁶.

Использование технологий искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции обусловлено расширением сферы применения информационных технологий в государственном управлении и экономике, а также необходимостью повышения эффективности правового контроля в условиях цифровизации⁷. Вместе с тем «искусственный интеллект» не может рассматриваться в качестве самостоятельной гарантии информационной безопасности государства. Его применение представляет собой инструментальную форму реализации антикоррупционной политики, эффективность которой напрямую зависит от нормативного регулирования и правоприменительной практики.

³ Алексеев Г. В., Морозов Г. Н. К вопросу об уточнении понятия «коррупция» в российском законодательстве // *Власть*. 2011. № 5. С. 136.

⁴ GDC Rev 3 // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/digital-emerging-technologies/sites/www.un.org.techenvoy/files/general/GDC_Rev_3_silence_procedure.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

⁵ Kobis N., Starke C., Rahwan, I. Artificial Intelligence as an Anti-Corruption Tool (AI-ACT) / Potentials and Pitfalls for Top-down and Bottom-up Approaches. DOI:10.48550/arXiv.2102.11567.

⁶ Цирин А. М., Артеменко Е. А. Цифровые технологии и «искусственный интеллект» как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27. № 3. С. 133.

⁷ Алексеев Г. В. Расширение областей применения информационных технологий и информационная безопасность государства // *Управленческое консультирование*. 2017. № 5 (101). С. 12.

Национальные правовые системы сталкиваются с необходимостью нормативного закрепления допустимых пределов применения алгоритмических систем в антикоррупционных целях, включая определение условий автоматизированной обработки информации, правового режима доступа к данным и механизмов юридической ответственности за результаты использования таких технологий⁸.

Государства, внедряя цифровые механизмы антикоррупционного контроля, вынуждены искать баланс между повышением эффективности анализа информации и соблюдением правовых гарантий участников гражданского оборота.

Антикоррупционный потенциал применения технологий искусственного интеллекта проявляется в динамике правового взаимодействия публичной власти и частноправовых субъектов в условиях цифровой трансформации. Принципы прозрачности, подотчетности и справедливости приобретают в этой связи новое содержание, требуя нормативного закрепления процедур контроля алгоритмических решений, используемых при осуществлении антикоррупционных мер⁹.

Современная антикоррупционная политика находится на пересечении технологического прогресса и юридических преобразований, в которых ключевую роль начинают играть цифровые инструменты, основанные на алгоритмах машинного обучения и искусственного интеллекта¹⁰. В последние годы международные институты всё активнее рассматривают «искусственный интеллект» как элемент инфраструктуры добросовестного управления и как средство профилактики коррупции в сферах, традиционно подверженных рискам злоупотреблений, — государственных закупках, финансовом контроле и распределении бюджетных ресурсов. Такая трансформация требует выстраивания новой модели регулирования, где правовые нормы должны учитывать особенности функционирования автономных систем и алгоритмических решений.

В последние годы всё больше внимания уделяется вопросу правовой интеграции искусственного интеллекта в антикоррупционные процессы на уровне международных организаций¹¹. Так, ЮНЕСКО в 2021 году приняла Рекомендацию по этике искусственного интеллекта, в которой подчеркивается, что «прозрачность и объяснимость систем искусственного интеллекта зачастую являются необходимыми предпосылками для обеспечения уважения, защиты и продвижения прав человека, основных свобод и этических принципов»¹². Указанные положения можно рассматривать как этико-правовой фундамент для дальнейшей разработки норм о применении искусственного интеллекта в публичной сфере. Ключевой акцент при этом сделан на прозрачности алгоритмических решений и возможности их аудита, что напрямую связано с предупреждением коррупции в цифровом управлении. Прозрачные алгоритмы, подконтрольные человеку, уменьшают вероятность скрытых манипуляций и обеспечивают правовую определенность в процедурах государственного администрирования¹³.

Значимым направлением формирования международных стандартов антикоррупционного применения искусственного интеллекта стала работа Организации

⁸ Левшина Н. Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в борьбе с коррупцией в системе государственных и муниципальных закупок // Современное право. 2024. № 11. С. 169.

⁹ Odilla, F. Bots against corruption: Exploring the benefits and limitations of AI-based anti-corruption technology // Crime Law Soc Change. 2023. No. 80. Pp. 353–396. DOI:10.1007/s10611-023-10091-0

¹⁰ Зульфугарзаде Т. Э. Особенности противодействия коррупции в сфере государственных закупок с использованием инновационных технологий // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 8, № 1 (33). С. 102–103.

¹¹ Allahrakha, N. AI and Corruption: Legal Liability in Algorithmic Decision-Making // Access to Justice in Eastern Europe. 2025. No. 8. Pp. 303–326. DOI:10.33327/AJEE-18-8.3-a000120

¹² Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта // ЮНЕСКО [офиц. сайт]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 14.03.2026).

¹³ Курьиндин П. А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции // Государственная служба. 2024. № 2. С. 62.

экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая в 2017 году приняла Рекомендации по целостности общественного управления, а в 2019 году — Принципы ответственного управления искусственным интеллектом. Перечисленные документы развивают юридическую этику и признают необходимость интеграции искусственного интеллекта в государственное управление при соблюдении принципов законности, предсказуемости и недискриминации. В рекомендациях прямо указывается, что цифровые технологии должны использоваться для предупреждения коррупционных рисков, повышения транспарентности закупочных процедур и выявления связей между компаниями и должностными лицами¹⁴.

Таким образом, на уровне международного публичного права формируется подход, в соответствии с которым технологии искусственного интеллекта рассматриваются как элементы административно-правовых механизмов публичного управления, используемые для реализации принципов законности, подотчетности и прозрачности деятельности органов власти. В данном контексте «искусственный интеллект» приобретает значение юридически опосредованного инструмента, функционирование которого подчинено требованиям нормативного контроля, процедурной регламентации и с уполномоченных должностных лиц за принимаемые решения.

Значительный шаг в **правовой институционализации** регулирования технологий искусственного интеллекта был сделан в Европейском Союзе, где в 2024 году был принят Регламент Европейского парламента и Совета ЕС, устанавливающий гармонизированные правила в сфере искусственного интеллекта (Regulation (EU) .../2024, Artificial Intelligence Act, далее — AI Act)¹⁵. Указанный регламент представляет собой первый комплексный наднациональный нормативный правовой акт, направленный на установление единых требований к **разработке, внедрению и использованию** систем искусственного интеллекта на территории Европейского Союза.

AI Act не ориентирован непосредственно на противодействие коррупции, однако его нормы имеют существенное значение для минимизации коррупционных рисков в публичной сфере. В частности, регламент закрепляет требования к прозрачности функционирования систем искусственного интеллекта, их технической и процедурной проверяемости, а также распределению ответственности между разработчиками, поставщиками и пользователями таких систем. Указанные требования направлены на обеспечение возможности внешнего и внутреннего контроля алгоритмических решений, применяемых в процессе публичного администрирования, включая сферы, потенциально подверженные коррупционным рискам¹⁶.

AI Act классифицирует системы искусственного интеллекта по уровням риска — от минимального до неприемлемого, устанавливая строгие требования для высокорисковых категорий систем «искусственный интеллект», к которым могут относиться алгоритмы, применяемые в сфере государственных закупок, судебного администрирования и финансового надзора.

Отдельного внимания заслуживает практика внедрения технологий искусственного интеллекта в антикоррупционные программы государств-членов ЕС. Например, в Эстонии с начала 2020-х годов действуют автоматизированные платформы анализа

¹⁴ Левшина Н. Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в борьбе с коррупцией в системе государственных и муниципальных закупок // Современное право. 2024. № 11. С. 170.

¹⁵ Артеменко Е. А. Риск-ориентированный подход как способ минимизации коррупции в контрольно-надзорной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 115.

¹⁶ Цирин А. М., Артеменко Е. А. Цифровые технологии и «искусственный интеллект» как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 126.

государственных контрактов, способные выявлять потенциальные признаки сговора и аномальные схемы распределения средств¹⁷. В Финляндии внедряются системы алгоритмического аудита, которые сопоставляют данные о государственных расходах с корпоративными структурами подрядчиков.

Или, например, в Республике Казахстан в последние годы активно используются цифровые аналитические платформы и системы мониторинга государственных закупок, позволяющие автоматически выявлять признаки возможных коррупционных рисков, включая аномальные схемы распределения контрактов и потенциальные конфликты интересов между участниками закупочных процедур¹⁸. Подобные решения демонстрируют, как нормы AI Act получают практическое воплощение в сфере публичного контроля и усиливают доверие к цифровому управлению.

Антикоррупционное право и правовое регулирование применения технологий «искусственного интеллекта» в практической плоскости пересекаются в сфере публичного управления и принятия юридически значимых решений. В данном контексте ключевое значение приобретает институциональная способность органов публичной власти обеспечивать квалифицированное применение алгоритмических инструментов в рамках установленной законом компетенции, а также корректную юридическую оценку результатов их использования.

На национальном уровне интерес к правовому регулированию применения технологий искусственного интеллекта в антикоррупционных целях постепенно формируется и в Российской Федерации. Специального нормативного правового акта, комплексно регулирующего использование искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции, в настоящее время не существует, однако ряд документов создает предпосылки для его разработки. К таким актам относятся Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г., федеральные законы о персональных данных и об информации, информационных технологиях и о защите информации, а также программные документы в сфере цифровой трансформации государственного управления.

Российское законодательство развивается в направлении интеграции технологий искусственного интеллекта в антикоррупционные процессы преимущественно на уровне отдельных программных и организационных решений. Отметим, что в таких условиях «искусственный интеллект» выступает не автономным участником правовых отношений, а инструментом, использование которого может оказывать влияние на характер трансграничных правовых связей, поскольку автоматизация юридически значимых процедур обработки информации и принятия управленческих решений требует переосмысления принципов ответственности и прозрачности в публичном управлении¹⁹, а также совершенствования подходов к оценке доверия и подотчетности в рамках международных сравнительных индексов антикоррупционной направленности²⁰.

В частноправовом измерении применение технологий искусственного интеллекта в антикоррупционных целях сопряжено с повышенной сложностью правового регулирования, что обусловлено необходимостью одновременного учета публичных интересов и защиты частных прав субъектов экономической деятельности. Использование алгоритмических систем в коммерческих сделках, корпоративном управлении и финансовом

¹⁷ Назаренко Г. В. Цифровые технологии как инструмент предотвращения и борьбы с коррупцией в сфере государственного управления // *Философия права*. 2022. № 3 (102). С. 148.

¹⁸ Немцова Н. В., Стаурский Е. С., Стаурский С. С. Возможности искусственного интеллекта на этапе планирования государственных закупок // *Управленческий учет*. 2023. № 6. С. 226.

¹⁹ Назаренко Г. В. Цифровые технологии как инструмент предотвращения и борьбы с коррупцией в сфере государственного управления // *Философия права*. 2022. № 3 (102). С. 150.

²⁰ Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Измерение политического доверия в условиях современной демократии // *Управленческое консультирование*. 2021. № 10 (154). С. 29.

аудите направлено на выявление коррупционных рисков, однако неизбежно затрагивает вопросы конфиденциальности информации, коммерческой тайны и деловой репутации участников гражданского оборота.

В приведенном контексте особое значение приобретает проблема защиты от неправомерного распространения сведений и репутационного ущерба, включая риски так называемой алгоритмической диффамации, возникающей в результате ошибочных или непрозрачных решений систем искусственного интеллекта²¹. Такие риски актуальны прежде всего для субъектов международного частного права, участвующих в трансграничных экономических отношениях, где автоматизированный анализ данных может повлечь негативные правовые последствия без надлежащей процессуальной проверки.

Так, автоматизированный анализ контрактных и корпоративных связей между хозяйствующими субъектами способен выявлять признаки картельных соглашений и иных форм недобросовестного поведения на рынке. Вместе с тем подобные механизмы создают угрозу неправомерного вмешательства в коммерческую тайну. В целях обеспечения баланса между публичным интересом в противодействии коррупции и защитой частных правовых интересов требуется формирование механизмов юридической ответственности и процедур независимого аудита алгоритмических решений. Международный опыт свидетельствует о том, что наиболее устойчивые модели правового регулирования применения искусственного интеллекта формируются на стыке публичного и частного права. Приведенные модели позволяют, с одной стороны, обеспечить соблюдение прав личности и прав субъектов предпринимательской деятельности, а с другой — создать эффективные инструменты системного антикоррупционного контроля в условиях цифровизации экономики.

Антикоррупционный потенциал применения технологий искусственного интеллекта в сфере публичного управления заключается в том числе в трансформации правовых процедур принятия управленческих решений. Речь идет о формировании процедурно регламентированной правовой среды, в рамках которой алгоритмические системы используются в качестве вспомогательных инструментов при мониторинге финансовых операций.

Повышение прозрачности в данном контексте происходит посредством нормативного закрепления обязанностей уполномоченных органов по документированию алгоритмических процедур, раскрытию критериев принятия решений и обеспечению возможности последующей проверки результатов автоматизированного анализа. Представляется, что указанный подход позволяет снизить риск субъективности при принятии управленческих решений и создать условия для постоянного правового контроля финансовых и административных процессов.

Вместе с тем эффективное использование технологий искусственного интеллекта в антикоррупционных целях требует наличия продуманной нормативной базы, направленной на обеспечение подотчетности должностных лиц и правовой определенности процедур. Отсутствие таких правовых гарантий может привести к росту правовых рисков, связанных с непрозрачностью алгоритмических решений и возможностью их целенаправленного искажения, что нивелирует антикоррупционный потенциал цифровых технологий.

Взаимодействие национального законодательства и международного публичного и частного права в сфере применения технологий искусственного интеллекта в антикоррупционных целях отражает более широкий процесс трансформации правового регулирования в условиях цифровизации. В рамках данного процесса усиливается взаимосвязь

²¹ Кирилленко В. П., Алексеев Г. В. Проблемы гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 9 (154). С. 173.

между публичным управлением и частноправовыми механизмами, поскольку противодействие коррупции всё чаще осуществляется с использованием алгоритмических инструментов, применяемых как государственными органами, так и субъектами предпринимательской деятельности.

Влияние технологий искусственного интеллекта на структуру правовых отношений проявляется прежде всего через автоматизацию юридически значимых процедур, к которым относятся сбор и обработка финансовой информации, анализ данных о государственных закупках, контроль за исполнением контрактных обязательств и мониторинг корпоративных связей.

На международном уровне формируется система правовых ориентиров, в рамках которой противодействие коррупции утрачивает характер исключительно внутреннего дела государства и становится элементом глобального правопорядка. Отметим, что это, в свою очередь, выражается в разработке международных стандартов прозрачности, обмена информацией и подотчетности при применении цифровых технологий. Конвенция ООН против коррупции, рекомендации ЮНЕСКО и ОЭСР, а также положения Регламента ЕС о гармонизации правил искусственного интеллекта создают основу для выстраивания международных стандартов цифровой добросовестности²². Представляется, что указанные акты объединяет стремление к тому, чтобы развитие искусственного интеллекта сопровождалось укреплением этических норм, повышением прозрачности и минимизацией коррупционных рисков, возникающих в результате концентрации данных и алгоритмического влияния.

В частноправовой плоскости искусственный интеллект становится частью механизма корпоративной подотчетности и внутреннего контроля. Алгоритмы, анализирующие сделки, структуры собственности и тендерные процедуры, создают дополнительный уровень защиты от злоупотреблений. Однако их использование порождает новые правовые вызовы — необходимость регламентировать доступ к данным, определить пределы вмешательства в частную сферу и установить юридическую ответственность за алгоритмические решения. Здесь пересекаются интересы бизнеса, государства и общества²³, что делает вопрос правового баланса ключевым элементом будущего антикоррупционного регулирования.

В перспективе международное публичное право, ориентированное на предотвращение коррупции, и международное частное право, регулирующее трансграничные цифровые отношения, неизбежно сблизятся. Их интеграция позволит формировать универсальные правила прозрачности и ответственности в цифровой среде, независимо от юрисдикции. В центре этой интеграции должен находиться принцип алгоритмической добросовестности, предполагающий, что любое применение искусственного интеллекта в публичных и частных процессах должно быть не только технологически корректным, но и юридически проверяемым²⁴.

²² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 14.03.2026). UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. – Paris: UNESCO, 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (дата обращения: 14.03.2026). OECD. OECD Principles on Artificial Intelligence. – Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/ai-principles.html> (дата обращения: 14.03.2026). Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 14.03.2026).

²³ Артеменко Е. А. Риск-ориентированный подход как способ минимизации коррупции в контрольно-надзорной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 116.

²⁴ Курьиндин П. А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции // Государственная служба. 2024. № 2. С. 64.

ВЫВОДЫ

Антикоррупционный потенциал применения технологий искусственного интеллекта значителен, однако он не сводится исключительно к их аналитическим возможностям. Ключевое значение имеет влияние алгоритмических инструментов на трансформацию правовых процедур публичного управления, выражающееся в повышении формализованности, воспроизводимости и проверяемости процессов принятия управленческих решений. В этом смысле «искусственный интеллект» выступает не источником правовых оценок, а вспомогательным инструментом, применение которого подчинено действующим нормам права и контролю со стороны уполномоченных субъектов.

Перспективы правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта в антикоррупционной деятельности связаны с развитием и сближением международных и национальных правовых стандартов, направленных на обеспечение прозрачности алгоритмических процедур, подотчетности должностных лиц и защиты прав участников публичных и частноправовых отношений. Формирование таких стандартов позволяет рассматривать противодействие коррупции как элемент согласованной международной правовой политики в условиях цифровизации.

Вместе с тем использование искусственного интеллекта в антикоррупционных целях не устраняет необходимость человеческого участия в принятии юридически значимых решений. Ответственность за выявление, оценку и исправление ошибок, возникающих при применении алгоритмических систем, должна возлагаться на конкретных должностных лиц и организации, осуществляющие разработку, внедрение и использование таких технологий. Только при наличии четко выстроенной системы юридической ответственности, процедурного контроля и нормативной определенности применение искусственного интеллекта может способствовать укреплению законности, снижению коррупционных рисков и повышению доверия к институтам публичной власти в национальном и международном правовом пространстве.

Список источников

1. *Алексеев Г. В.* Расширение областей применения информационных технологий и информационная безопасность государства // *Управленческое консультирование*. 2017. № 5 (101). С. 8–19. EDN: YRNAPF
2. *Алексеев Г. В.* К вопросу об уточнении понятия «коррупция» в российском законодательстве / Г. В. Алексеев, Г. Н. Морозов // *Власть*. 2011. № 5. С. 136. EDN: NUDQON
3. *Артеменко Е. А.* Риск-ориентированный подход как способ минимизации коррупции в контрольно-надзорной деятельности // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 94–120. EDN: AEDFSQ
4. *Глобальный индекс экстремизма* / под ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, А. Д. Хлуткова, В. А. Шамахова. СПб.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. 416 с. EDN: JTDRWY
5. *Зульфугарзаде Т. Э.* Особенности противодействия коррупции в сфере государственных закупок с использованием инновационных технологий // *Экономика. Право. Общество*. 2023. Т. 8, № 1 (33). С. 100–107. EDN: CHTGZX
6. *Кириленко В. П.* Измерение политического доверия в условиях современной демократии / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // *Управленческое консультирование*. 2021. № 10 (154). С. 22–34. EDN: ATXPUA
7. *Кириленко В. П.* Проблемы гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 9 (154). С. 168–182. EDN: WOPGCP

8. Крылова Д. В. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта / Д. В. Крылова, А. А. Максименко // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 241–255. EDN: FSEQMI
9. Курындин П. А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции // Государственная служба. 2024. № 2. С. 59–66. EDN: HVZPCE
10. Левшина Н. Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в борьбе с коррупцией в системе государственных и муниципальных закупок // Современное право. 2024. № 11. С. 167–171. EDN: ZCBMJW
11. Назаренко Г. В. Цифровые технологии как инструмент предотвращения и борьбы с коррупцией в сфере государственного управления // Философия права. 2022. № 3 (102). С. 146–153. EDN: DBJEEJ
12. Немцова Н. В. Возможности искусственного интеллекта на этапе планирования государственных закупок / Н. В. Немцова, Е. С. Стаурский, С. С. Стаурский // Управленческий учет. 2023. № 6. С. 223–229. EDN: XNHJVQ
13. Цирин А. М. Цифровые технологии и «искусственный интеллект» как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт / А. М. Цирин, Е. А. Артеменко // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 126–142. EDN: YDGOKK
14. Allahrakha, N. (2025). AI and Corruption: Legal Liability in Algorithmic Decision-Making. *Access to Justice in Eastern Europe*. No. 8. Pp. 303–326. DOI: 10.33327/AJEE-18-8.3-a000120.
15. Kobis N., Starke C., Rahwan, I. (2021). Artificial Intelligence as an Anti-Corruption Tool (AI-ACT). *Potentials and Pitfalls for Top-down and Bottom-up Approaches*. DOI:10.48550/arXiv.2102.11567.
16. Odilla, F. (2023) Bots against corruption: Exploring the benefits and limitations of AI-based anti-corruption technology. *Crime Law Soc Change*. No. 80. Pp. 353–396. DOI:10.1007/s10611-023-10091-0

Сведения об авторе:

Дарья Витальевна Демьянович, студентка 2-го курса магистратуры, юридический факультет, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: ddemyanovich-20@ranepa.ru

References

1. Alekseev G. V. (2017) Expansion of the Scope of Information Technologies Application and State Information Security. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie (Administrative Consulting)*. No. 5 (101). Pp. 8–19. (In Russ.)
2. Alekseev, G. V., Morozov, G. N. (2011) On the Clarification of the Concept of “Corruption” in Russian Legislation. *Vlast'(Power)*. No. 5. P. 136. (In Russ.)
3. Artemenko, E. A. (2022) Risk-Oriented Approach as a Means of Minimizing Corruption in Supervisory and Control Activities. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo (Proceedings of Voronezh State University. Series: Law)*. No. 2 (49). Pp. 94–120. (In Russ.)
4. Bastrykin, A. I., Kirilenko, V. P., Khlutkov, A. D., Shamakhov, V. A. (eds) (2023) Global Extremism Index. *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*. 416 p. (In Russ.)

5. Zulfugarzade, T. E. (2023) Features of Anti-Corruption Measures in Public Procurement Using Innovative Technologies. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo (Economics. Law. Society)*. Vol. 8, No. 1 (33). Pp. 100–107. (In Russ.)
6. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. (2021) Measuring Political Trust in Contemporary Democracy. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie (Administrative Consulting)*. No. 10 (154). Pp. 22–34. (In Russ.)
7. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. (2019) Problems of Harmonization of European and Russian Defamation Legislation. *Lex Russica (Russian Law)*. No. 9 (154). Pp. 168–182. (In Russ.)
8. Krylova, D. V., Maksimenko, A. A. (2021) The Use of Artificial Intelligence in Detecting and Combating Corruption: A Review of International Experience. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik (Public Administration. E-Journal)*. No. 84. Pp. 241–255. (In Russ.)
9. Kuryndin, P. A. (2024) Digitalization of Supervisory and Control Activities as an Instrument for Combating Corruption. *Gosudarstvennaya sluzhba (Public Administration)*. No. 2. Pp. 59–66. (In Russ.)
10. Levshina, N. E. (2024) Prospects for the Use of Artificial Intelligence in Combating Corruption in the System of State and Municipal Procurement. *Sovremennoe pravo (Modern Law)*. No. 11. Pp. 167–171. (In Russ.)
11. Nazarenko, G. V. (2022) Digital Technologies as a Tool for Preventing and Combating Corruption in Public Administration. *Filosofiya prava (Philosophy of Law)*. No. 3 (102). Pp. 146–153. (In Russ.)
12. Nemtsova, N. V., Staurskiy, E. S., Staurskiy, S. S. (2023) Capabilities of Artificial Intelligence at the Stage of Public Procurement Planning. *Upravlencheskii uchet (Management Accounting)*. No. 6. Pp. 223–229. (In Russ.)
13. Tsirin, A. M., Artemenko, E. A. (2023) Digital Technologies and Artificial Intelligence as Means of Preventing Corruption in Supervisory (Control) Activities: Domestic and Foreign Experience. *Zhurnal rossiiskogo prava (Journal of Russian Law)*. Vol. 27, No. 3. Pp. 126–142. (In Russ.)
14. Allahrakha, N. (2025) AI and Corruption: Legal Liability in Algorithmic Decision-Making. *Access to Justice in Eastern Europe*. Vol. 8. Pp. 303–326. DOI: 10.33327/AJEE-18-8.3-a000120
15. Kobis, N., Starke, C., Rahwan, I. (2021) Artificial Intelligence as an Anti-Corruption Tool (AI-ACT): Potentials and Pitfalls for Top-down and Bottom-up Approaches. DOI: 10.48550/arXiv.2102.11567
16. Odilla F. (2023) Bots against Corruption: Exploring the Benefits and Limitations of AI-Based Anti-Corruption Technology. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 80. Pp. 353–396. DOI: 10.1007/s10611-023-10091-0

About the author:

Daria V. Demyanovich, second-year Master's student, Faculty of Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: ddemyanovich-20@ranepa.ru